

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

DOI 10.21672/1818-510X-2018-55-2-040-047

ГЛОБАЛИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И СУВЕРЕНИТЕТ ЛИЧНОСТИ

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

E-mail: mf57@yandex.ru

Анализируются современные попытки разрешить внутренние противоречия, присущие сформировавшейся в эпоху модерна модели артикуляции суверенитета личности и суверенитета государства, нашедшей своё выражение в институте гражданства. В сложной динамичной системе, в которой формы макрорегиональной интеграции парадоксальным образом артикулированы с усиливающейся автономизацией субрегиональных целостностей, гражданство утрачивает свои прежние функции, связанные с установлением относительного равновесия между всеобщим и особенным, между автономией и принуждением в обществе, в человеке. Гражданство, как политическая идея и политический институт Современности, бывший выражением суверенитета личности в ее (личности) отношении к государству, в нынешних условиях как бы распадается на взаимопересекающиеся «страты», каждый из которых предстает символически оформленным набором приверженностей и связей: так называемое «близкое» гражданство, характерное для субнационального уровня, отмеченное прочными, но партикуляризирующими связями; макрорегиональное гражданство, в рамках которого связи носят утилитарный, но слабо институционализованный характер. Реалии информационного общества требуют пересмотра опорных моментов современной концепции суверенитета. Это, во-первых, понятие универсализма, во-вторых, понятие политического пространства и, наконец, понятие исторического времени и историчности.

Ключевые слова: политический суверенитет, суверенитет личности, гражданство, глобализация, информационное общество

POLITICS OF GLOBALIZATION, NATION STATE AND INDIVIDUAL SOVEREIGNTY

Fedorova Maria M., D.Sc. (Politics), Chief Research Officer

RAS Institute of Philosophy

bld. 1, 12 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

E-mail: mf57@yandex.ru

The article analyses modern attempts to resolve the internal contradictions inherent in the articulation model of individual and state sovereignties formed in the Modern era and found its expression in the institution for citizenship. Citizenship loses its former functions in a complex dynamic system where the forms of macro-regional integration are paradoxically articulated with the increasing autonomation of subregional entities. These functions are associated with establishing a relative balance between universal and particular, between autonomy and coercion in society, in a man. Citizenship as a political idea and political institution of modernity which was an expression of the individual sovereignty in its (individuality) relation to the state under present conditions seems to divide into mutually intersecting "strata". Each stratum is a symbolically designed set of adherences and bonds: the so-called "close" citizenship, typical for the subnational level and marked by strong but particular bonds; macro-regional citizenship in which the bonds are utilitarian but weakly institutionalized. The realities of the information society require a revision of the pillars in the modern concept of sovereignty. Firstly, it is the concept of universalism, secondly, the concept of political space and lastly, the concept of historical time and historicity.

Keywords: political sovereignty, individual sovereignty, citizenship, globalization, information society

Вопрос о соотношении суверенитета личности и суверенитета национального государства со всей определенностью был поставлен в качестве одной из важнейших политических проблем Современности. Современную историю можно прочесть как процесс становления политической онтологии – онтологии Единого, в рамках которого протекает процесс индивидуализации наций и народов в отдельные государства. Для Современности политика – дело человеческое по своим целям и средствам. Именно этот факт и отражается в понятии суверенитета, который представляет собой не только власть целого, Единого над множеством, но и утверждение автономии человеческой жизни. Это прежде всего суверенитет человека над самим собой. Собственно, главный политический вопрос Современности состоял в выявлении условий, при которых люди могут жить сообща, руководствуясь при этом собственными установлениями, а не трансцендентной инстанцией. В соответствии с античной парадигмой политического мышления люди по природе своей могут жить политически, иными словами, политическое сообщество – *polis, civitas* – естественная реальность. Современность отказывается от этого аристотелевского утверждения: в классических трудах политической философии Нового времени человек уже не рассматривается как политическое животное, а государство – как естественная данность. В контексте артифициализма Современности «человеческая природа» совершенно аполитична: для того чтобы возвыситься до политического состояния человек должен порвать со своим естественным состоянием.

Политический вопрос, таким образом, начинается с констатации того, что Кант называл «недоброжелательной общительностью». Проблема состояла в том, чтобы снять видимое противоречие: человек по природе аполитичен, но в этой нерасположенности людей к совместному бытию Современность усматривает то, что детерминирует людей к созданию *respublica*. Благодаря «естественному состоянию» создается идея политики, кардинально отличной от естественной политики античной философии. Отрывая основания политического бытия от его чисто естественных (или божественных) источников, Современность связывает политический порядок с волей человека, а не с порядком, полученным от природы или от бога. Политический порядок как порядок воли – таково следствие антропологических установок Современности, постулирующей «недоброжелательную общительность» людей. Собственно, комплекс этих идей и находит своё выражение в понятии суверенитета – суверенитета государства, суверенитета личности.

Суверенное государство Современности основано на постулировании субъекта как особого индивида, наделённого разумом, свободной волей, способного к самодетерминации. Можно сказать, что конституирование субъекта в картезианской метафизике является одновременно и конституированием политического субъекта. Основой государства Современности, таким образом, является постулат об индивиде (выступающим в качестве политического субъекта), наделённом свободной волей и способностью к самодетерминации, этот индивид суверенен. Данный постулат предполагает, что каждый индивид, равно как и совокупность всех индивидов, способен принять участие в образовании государства и его сохранении. Это положение есть также основа и современной демократической политики, ведь картезианский субъект может мыслиться только в соответствии с априорным и необходимым принципом равенства. И здесь пролегает ещё одна демаркационная линия по отношению к античной парадигме, в рамках которой политика есть подражание природе, а природа создает естественные иерархии, разделение на рабов и свободных людей и т.д. Формулируемый Современностью постулат равенства – это постулат естественного закона, которому подчинено всякое природное существо. Поэтому и естественное состояние определяется как состояние, в котором господствуют страсти, в котором человек – раб этих страстей, он совершенно аполитичен. Политическая проблема возникает как проблема урегулирования этих страстей с помощью разума, который подсказывает человеку, как перейти от Я к Мы, от единичного к универсальному,

как найти то общее, что может составить основу человеческого общежития. Разум, таким образом, выступает здесь трансцендентальным принципом единства и основой *respublica*, основой политического как такового.

За всеми этими вопросами стоит важнейшая политическая проблема – проблема свободы. И её решение, которое даёт западноевропейская Современность, состоит в том, что люди могут быть свободными, т.е. суверенными и автономными в обществе только как граждане.

Политический проект Современности состоял в обретении свободы путём построения сообщества, главным принципом которого выступала не просто связь индивидов между собой, но их связь с всеобщим. Это был проект универсальности. Парадокс вопроса об индивидуальной свободе заключался в том, что его решение не могло быть индивидуальным: его следовало искать вне индивида, на уровне сообщества, и оно могло носить только политический характер (разрыв с естественной свободой). И Суверен выступал здесь в качестве той инстанции, которая и обеспечивала связь особенного и индивидуального бытия с всеобщим. Свобода является не состоянием, но отношением между индивидуальным и всеобщим, и человек должен совершить переход от естественного Я к политическому, гражданскому. Функция государства в данном случае состояла в том, чтобы подвести индивида к тому, чтобы он рассматривал всеобщее как своё собственное благо. Так, вместо естественного желания Я возникало осмысленное желание Мы, и это есть моральная основа демократии. Демократическое государство, таким образом, даёт конституционные рамки, способные осуществить связь между всеобщим и особенным, которая составляет свободу индивидов в том или ином сообществе. Свобода является формой, организованной Сувереном гражданственности. Иными словами, свобода Современности развивается через преодоление партикуляризма. И проект этот был внутренне противоречив, ибо всеобщее всегда выражается через особенное и переживается как особенное.

Во внутреннем порядке государства индивида и *respublica* связывает не столько внутренне обязательство индивида жить в соответствии с нормами всеобщего, сколько принуждение суверенной инстанции жить в соответствии с «общей волей»¹, и формой этого принуждения выступает закон. Поэтому и государство, главным политическим принципом которого выступает суверенитет как основание легитимности и нормативности, является не просто сообществом индивидов, чудесным образом преодолевающим горизонт их особенности, а инструментом, посредством которого эти индивиды *принуждены* преодолевать горизонт их личности.

Современный мир живет ещё в контексте этого универсализма, порождённого Современностью, – универсализма отдельного народа, существующего в рамках отдельного государства. Идея нового универсализма, прокладывающего дорогу через преодоление противоречий политического проекта Современности, – пока ещё скорее регулятивная идея, не выраженная ни в конкретных программных действиях, ни в философских концептах. Контуры этой идеи ещё нечётко вырисовываются в преодолении универсализма исторических государств и одновременно в преодолении партикуляризма отдельных государств в рамках их исторических границ. Это означает пересмотр оснований политической Современности, что должно привести к новой идее свободы. Речь должна идти о новом ответе на вопрос Современности о противоречиях человеческого существования – противоречии между сущностной конечностью человеческого как такового и бесконечным стремлением человека к свободе. Мы видели, что решение этого вопроса Современностью само было противоречивым: как может быть бесконечной свобода, если субъект свободы – отдель-

---

¹ В таком контексте знаменитое руссоистское высказывание относительно того, что «индивида принудят быть свободным», получает несколько иное звучание, отличное от тех тоталитарных интерпретаций, которые обычно дают в отношении данного пассажа из текста «Общественного договора».

ный индивид, гражданин или сообщество – по природе своей конечны? Их свобода ограничена, но что такое ограниченная свобода, как не противоположность свободе? XX в. показал, как возможна эта противоположность – через отрицание самой свободы как основание *respublica*. Поэтому новая идея свободы, в рамках которой, возможно, не будет место такому политическому принципу, как суверенитет отдельного исторического государства, лежит вне традиционного горизонта, рождённого порядком универсальности и партикуляризма исторических государств. Дело в том, что изменилось само понятие универсальности, выработанное Современностью. По мнению П. Рикера, европейская универсальности сегодня «подразумевает плюрализм культур – они настолько переплелись, что в результате универсальность обрела некую хрупкость, способность от чего-то отказываться и ставить это что-то под вопрос» [3, с. 45].

Таким образом, между суверенитетом национального государства и суверенитетом личности, находящим свое выражение в гражданстве, сложилась тесная связь, которая носит конституирующий характер. Исторически эта связь возникла как освобождение, эмансипация от опеки со стороны всех форм сообщества – религии, семьи, племени, освобождение от личной зависимости от суверена и т.д. Институт гражданства придал новый смысл классическому разделению между всеобщим и особенным, так как гражданство носило сознательный, договорной характер; оно трансцендировало принадлежность общине, социальной группе, которая оставалась ограничивающей, исключительной индивида из социального целого как такового. Подчиняясь государству в целом, гражданин подчинялся самому себе, становился действительно суверенным.

Однако сам процесс формирования гражданства Современности носил противоречивый характер, что не могло не отразиться и на положении института гражданства в наши дни. Прежде всего, европейский гражданский универсализм формировался в противовес былому политическому единству в рамках Священной римской империи. Именно в противовес империи и старым юридическим конструкциям в форме римского права, формировались современные европейские государства: создав собственное политическое право, они утверждали свою независимость и идентичность, которые и были носителями ценностей Современности. Это было признание индивидуальных прав личности, в первую очередь свободы совести и личной безопасности, которые коренным образом преобразовали римскую идею гражданства и имперского понятия власти. Модель современного гражданина – это не модель гражданина-солдата. С другой стороны, и современное государство мыслилось уже не как безграничная власть над всем политическим пространством: это было государство ограниченное, и ограничивалось оно правами человека (понимание которых существенно отличалось от античных прав) и подчинением закону. Таким образом, универсализм западноевропейской Современности во многом противоречил идеям универсализма и европейского единства в средневековых идеологических конструкциях (например, универсальная монархия Данте). С другой стороны, современное понимание гражданства значительно изменилось и по отношению к античному: оно расширило свои границы и распространялось на всё население государства, но одновременно и сузилось, так как политическое решение принималось через представительство и делегирование своих полномочий.

Ещё один важнейший аспект формирования института и идеи гражданства, чреватый многочисленными парадоксами и внутренними противоречиями, состоял в том, что гражданство было теснейшим образом связано с нацией и национальным государством. Принцип права народов внёс демократические коррективы прежде всего в идею суверенитета, утвердив, что суверенитет является атрибутом нации, народа. Но помимо этого он привносил и историческое измерение в пространство политического, ибо само политическое пространство оказывалось не просто результатом абстрактного договора, а плодом длительного исторического развития, оно имело жёстко очерченные границы и обладало тем, что Гердер называл «духом

народа», а Ренан – «душой нации» (прошлое, традиции, культура, язык). Тем самым национальный принцип развития современных государств противостоял космополитическим идеям Просвещения, воплощённым в кантовской идее всеобщей республики.

Поэтому современные тенденции глобализирующегося мира и, в частности, интеграционные тенденции в Европе создают парадоксальную ситуацию для развития института гражданства в его классическом, нововременном понимании, основанном на взаимных обязательствах между гражданином национальным государством. Ведь идея европейского гражданства, сформулированная, например, в Маастрихтских соглашениях (1992 г.), основана как раз на противоположном принципе – на принципе разведения гражданства и национальности: можно быть гражданином (европейцем), не принадлежа к определённой нации (той стране, где проживаешь). И хотя первые (оказавшиеся весьма успешными) шаги по созданию единой европейской экономической системы и введению либеральных принципов её управления были предприняты уже в послевоенные годы (50-е гг. XX столетия), процесс политической интеграции на основе единого общеевропейского гражданства оказался достаточно длительным и трудным. По мнению политических аналитиков, этот процесс предполагает ряд последовательных шагов, представляющих собой серьёзный политический проект, выходящий за рамки восьмой статьи Маастрихтских соглашений. Он предполагает прежде всего, как уже упоминалось выше, разведение принципов национальности и гражданства и создание соответствующих конституционных обновлений. Кроме того, речь идёт о постепенной выработке общей культуры (в том числе и политической), независимой от границ национальных государств и подводящей к формированию транснационального гражданства, которое позволило бы согласовать политические действия с общеевропейской циркулирующей идеей и товаров. И, наконец, следует обратиться к выработке новых гражданских ценностей, существенным образом модифицирующих и дополняющих ценности, содержащиеся в Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: отказ от национальной дискриминации, культурный плюрализм, множественность выбора, различные типы солидарности и т.д.

Начало данного процесса привело к размыванию традиционных форм политического и гражданского общежития. Однако формирование новой универсальности и новой идеи автономии личности в рамках единого гражданства носит далеко не линейный характер и встречает на своём пути немало трудностей, связанных прежде всего со стремлением каждой страны сохранить свой национальный суверенитет. Тормозит этот процесс и целый ряд иных факторов, определяющих политическое и социальное бытие современного гражданина. К указанным факторам относится, в частности, и тот момент, что в сознании западноевропейца собственные национальные политические институты гораздо ближе, нежели общие, общеевропейские. Своеобразным препятствием для становления нового института гражданства являются и факторы культурного порядка: национальные ценности и символы, национальные системы школьного образования и т.д. Таким образом, европейская идентичность находится ещё только в стадии своего формирования и представляет собой противоречивое единство самых разнородных элементов. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением Ч. Тейлора, утверждавшего, что нации «в чистом виде уже не существует, ведь люди являются не только членами нации. Понятие национальной самобытности усложнилось, поскольку люди принадлежат и к *нации*, и к *региону*, а кроме того, ощущают себя *европейцами*. Они существуют на трех уровнях. Убежден, что это наиболее полноценный способ существования, поскольку вы не ограничиваете себя одними рамками, а расширяете свои связи с окружающим миром. ... старый образ жизни, когда каждый замыкался внутри национального государства и испытывал враждебные чувства к соседям, изживает себя» [3, с. 34].

Кризис национального государства во всех его многочисленных аспектах, связанных прежде всего с размыванием национального суверенитета, детерриториализацией проблем, решение которых было ранее прерогативой исключительно нацио-

нального государства (управление миграционными потоками, охрана окружающей среды, здоровья, борьба с наркомафией и т.д.), растущей неспособностью самих государств обеспечить полный контроль над собственной территорией, несомненно, затрагивает и статус гражданина, суверенитет личности. Глобализационные процессы решительным образом уничтожают расстояния, превращая географические границы во многом в чисто формальное понятие. Политическое пространство уже не соответствует единственной конфигурации национального государства, оно не способно *apriori* организовывать однородным образом политические связи. Так, например, каждая социальная функция образует своё особое пространство, не совпадающее с пространством национальным: можно быть потребителем, защитником того или иного интереса, приверженцем той или иной конфессии, обретая единомышленников далеко за пределами собственного отечества. Это пространство не совпадает с национальным сообществом, трансцендирует или разделяет его. Поэтому современный гражданин оторван от своих национальных корней, в его сознании доминируют индивидуалистические ценности, а сама соотносённость с коллективным уровнем существования изменяет свою конфигурацию. В этих условиях гражданство – это своеобразное усилие индивида над самим собой с целью достижения коллективистского измерения человеческого существования, по отношению к которому он ощущает себя во многом чуждым.

Однако, как показывают исследования последних лет, глобализационная логика – не единственный вектор развития мировых политических процессов, так как она тесно переплетается и с логикой идентификационной. Как представляется, ключом к пониманию динамичной артикуляции глобализационных и идентификационных процессов в современном мире могут служить выводы представителей интеракционистского направления в изучении этнонациональных идентичностей, утверждающие относительный характер этничности, обусловленный не столько дифференциацией, сколько межкультурной коммуникацией, позволяющей установить различия между социальными и группами. Ведь глобализация и модернизация влекут за собой интенсификацию обменов различного уровня и порядка. Это, в свою очередь, расширяет возможности и индивидов, и различных социальных групп, и национальных и государственных образований в целом сравнений, соотношений с другим или другими, установлений различий и самоотождествлений, а, следовательно, для выстраивания собственного символического образа Я или Мы. Тесное взаимопереплетение двух этих логик – глобализационной и идентификационной, сконцентрированной на возврате к предмодернистским моментам, – серьёзным образом влияет на институт гражданства как таковой. В этой сложной динамичной системе, в которой формы макрорегиональной интеграции парадоксальным артикулированы с усиливающейся автономизацией субрегиональных целостностей, гражданство утрачивает свои прежние функции, связанные с установлением относительного равновесия между всеобщим и особенным, между автономией и принуждением и в обществе, в человеке. Прежняя модель гражданства, связанная исключительно с универсализацией, даёт трещину.

В западноевропейском контексте эти изменения влекут за собой и изменение модальностей политического действия. Кроме того, к размыванию традиционной модели взаимоотношений между властью и гражданами приводят и общие процессы рационализации и технизации политического процесса – взаимопроникновение традиционного политического и экспертного действия в политике, обусловленное растущей необходимостью принятия консенсусных решений, лоббирование и др. Эти факторы обуславливают совершенно иную конфигурацию отношений между властью и гражданами. Развивая свою концепцию сетевого общества, М. Кастельс пишет, что двойственный процесс глобализации и роста коммунальных идентичностей бросает вызов национальному государству как релевантной единице, определяющей публичную сферу. Государство-нация не исчезает, но его легитимность сокращается в условиях расширения действия глобального управления. Принцип гражданства вступает в противо-

речие с принципом самоидентификации, что приводит к кризису политической легитимности государства-нации, который также включает в себя и кризис традиционных форм гражданского общества [2, с. 204]. И действительно, политическая система в рамках сетевого общества плохо совместима с привычными представлениями о демократии¹. В этой системе относительно транспарентные отношения между правящими структурами и гражданским обществом фактически подменяются более сложными и запутанными отношениями между гражданским обществом и группой людей, для которых политика – не столько призвание, сколько профессия.

Как отмечает французский политолог Марк Абелес, критика демократического участия в современном глобализирующемся обществе, как правило, основана на трех основных моментах. Во-первых, фиксируется разрыв между обычными гражданами, с одной стороны, и с другой – политической элитой и экспертным сообществом, которые в современном политическом мире выступают обладателями компетенций и создателями норм, что позволяет им формулировать и одновременно решать проблемы не только международного уровня, но и уровня национального государства. Во-вторых, отсутствие реального публичного пространства на уровне Евросоюза, которое позволило бы вести реальные дебаты и впоследствии участвовать в принятии решений и определении главных политических ориентиров на этом уровне. В-третьих, формирование особого типа легитимности, занимающей промежуточное положение между гражданственностью и инстанциями политического представительства. Сегодня всевозможные лобби являются осязательно более «ангажированными» в конституировании политического пространства (особенно, если речь идет о едином европейском политическом пространстве), чем простые граждане. Эта специфическая «ангажированность» существенно затрудняет формирование действительного политического сообщества в традиционном для европейского политического мышления смысле, так как создает глубокий разрыв между гражданами и властными инстанциями [4, р. 78–81].

Таким образом, гражданство как политическая идея и политический институт Современности, бывший выражением суверенитета личности в её (личности) отношении к государству, в нынешних условиях как бы распадается на взаимопересекающиеся «страты», каждый из которых предстает символически оформленным набором приверженностей и связей: так называемое «близкое» гражданство, характерное для субнационального уровня, отмеченное прочными, но партикулизирующими связями; макрорегиональное гражданство, в рамках которого связи носят утилитарный, но слабо институализированный характер и т.д.

Однако кризис гражданственности является следствием не только размытия территориальных референций, но и ускорения политического времени, связанного с развитием информационных процессов, медийных структур. Исчезает соответствие между всё ускоряющимся ритмом политических событий и более медленным временем развития политических институтов. Как отмечает П. Розанваллон, разочарование

---

¹ В общественном мнении широко распространена точка зрения, согласно которой информационное общество аргюіг считается обществом демократическим. Выступая против отождествления глобального информационного пространства и глобального демократического государства, отечественный исследователь И.Ю. Алексеева отмечает, что «киберпространство, расширяя информационно-технологические возможности человека, вовсе не становится сферой верховенства закона и не является демократическим в этом смысле слова. Оно формируется в значительной степени благодаря желанию освободиться от условностей и ограничений, господствующих в “реале”». Это не только не создаёт новых условий для автономии личности и расширения границ её суверенного действия, но и порождает новые риски и угрозы для этого существования. «Расширение сферы свободы с одновременным сужением сферы ответственности, – продолжает И.Ю. Алексеева, – дало основание для постановки проблемы информационной безопасности личности не только как проблемы отдельного государства, но и как многостороннего международного сотрудничества» [см.: 1, с. 70–71].

людей в идее гражданства проистекает из «всё большего нетерпения воли, порожденного ускорением событий, главной движущей силой которых являются медиа. Общее достояние удалено от них не просто потому, что его основные темы далеки от сферы их занятий. Этот разрыв носит скорее временной характер. Опросы и медиа изо дня в день предоставляют отчеты о демократических сражениях, тогда как выборная система подчиняется куда более медленным ритмам» [4, p. 237]. Поэтому наиболее требовательные граждане демократического общества разочаровываются в ответах политической системы. Тем самым под сомнение ставится основание политического гражданства, выступающее институционализацией и оформлением социальных связей политическими. Гражданин, заключает Розанваллон, оказывается во власти «регрессивных утопий» (популизм, непосредственная демократия и проч.).

Все эти процессы, по сути, выражают главную логику – разделение гражданства и породившего его универсализма. Это происходит по целому ряду причин. Прежде всего потому, что национальное политическое сообщество не обладает более той функциональной целостностью, что некогда обеспечивала его силу и могущество. Если раньше оно было выразителем суверенной идентичности, то сегодня способно выполнять лишь отдельные из своих прежних многочисленных функций. Кроме того, это сообщество уже не является выражением и как бы трансцендированием всех партикуляризмов; теперь оно должно соперничать с проявлениями региональной или транснациональной солидарности, которая в современных условиях едва ли не более адекватно передает новые стремления к солидарности. Кризис идеи гражданственности, таким образом, приводит к ослаблению её собственно политического характера, наделяя её скорее культурными и идентификационными чертами.

Список литературы

1. Алексеева, И. Ю. Вызовы демократии в информационном обществе / И. Ю. Алексеева // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 64–78.
2. Кастельс, М. Коммуникация, власть и контрвласть в сетевом обществе / М. Кастельс // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 203–208.
3. Керни, Р. Диалоги о Европе / Р. Керни. – Москва : Весь мир, 2002. – 320 с.
4. Abeles, M. *Penser au-dela de l'Etat* / M. Abeles. – Paris : Belin, 2014. – 109 p.
5. Rosanvallon, P. *Les utopies regressives de France* / P. Rosanvallon // Cohen D. P. *France: les revolutions invisibles*. – Paris : Calmann-Levy, 1998. – 398 p.

References

1. Alekseeva, I. Yu. *Vyzovy demokratii v informatsionnom obshchestve* [Democracy Challenges in the Information Society]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2008, no. 2, pp. 64–78.
2. Kastels M. *Kommunikatsiya, vlast i kontrvlast v setevom obshchestve* [Communication, power and counter-power in a networked society]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2008, no. 2, pp. 203–208.
3. Kerni R. *Dialogi o Yevrope* [Dialogues about Europe]. Moscow, Ves mir Publ., 2002, 320 p.
4. Abeles M. *Penser au-dela de l'Etat* [Thinking Beyond the State]. Paris, Belin Publ., 2014, 109 p.
5. Rosanvallon P. *Les utopies regressives de France* [The regressive utopias of France]. *Cohen D. P. France: les revolutions invisibles* [Cohen D. P. France: the invisible revolutions]. Paris, Calmann-Levy Publ., 1998, 398 p.